

УДК 323

**А.В. Понеделков,
А.М. Старостин, Л.Г. Швец**

**A.V. Ponedelkov,
A.M. Starostin, L.G. Shvets**

**СОВРЕМЕННАЯ
ЭЛИТОЛОГИЯ:
КОГНИТИВНЫЙ ДИСКУРС**

**MODERN ELITOLOGY:
THE COGNITIVE
DISCOURSE**

В статье проводится когнитивный анализ такого нового междисциплинарного научного направления, как элитология. Выделены основные когнитивные ее уровни: философско-парадигмальный, доктринальный, прикладной. Обсуждается новый для постнеклассической методологии аспект – экспериенциальный. Освещены основные результаты элитологических исследований, полученные в рамках ростовской научно-элитологической школы в результате теоретических и эмпирических исследований (включая панельные замеры) в течение 20 последних лет.

Ключевые слова: элитология, когнитивный подход, элитологическая парадигма, протоэлитное сообщество, экспериенциальный подход, методологическая референтность.

А.В. Понеделков

доктор политических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель

The article deals with the cognitive analysis of such a new disciplinary area as elitology. The article reveals its main cognitive levels: philosophical and paradigmatic, doctrinal, applied. It discusses a new aspect for post neoclassical methodology – experiential one. The article illustrates the main findings of elitological studies, which were achieved within Rostov scientific School of elitology as a result of theoretical and empirical studies (including panel measurements) during the last twenty years.

Key words: elitology, cognitive approach, elitological paradigm, experiential approach, methodological reference.

A.V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Science, Deputy Director of

директора Южно-Российского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону)

E-mail: ponedelkov@skags.ru

А.М. Старостин

доктор политических наук, профессор, заместитель директора Южно-Российского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

E-mail: urif.ranh@mail.ru

Л.Г. Швец

доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Южно-Российского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

E-mail: dispolit@skags.ru

© Понеделков А.В., Старостин А.М., Швец Л.Г., 2013

the South-Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don)

E-mail: ponedelkov@skags.ru

A.M. Starostin

Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director of the South-Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don)

E-mail: urif.ranh@mail.ru

L.G. Shvets

Doctor of Political Sciences, Professor of Department of State and Municipal Management of South-Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don)

E-mail: dispolit@skags.ru

© Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Shvets L.G., 2013

В современном глобализирующемся мире и научном познании быстро растет интерес к элитам. Прежде всего, к политическим, административным, бизнес-элитам, интеллектуальным, военным, элитному слою СМИ и элитам новых, нарождающихся креативно-инновационных областей деятельности.

Данный интерес, как и любое современное серьезное намерение и предприятие выражается прежде всего в научном и, шире говоря, аналитическом дискурсе: появились и быстро развиваются элитологические исследования в политологии, социологии, психологии и других отраслях знания. Что позволяет также утверждать, что и сами элитологические исследования не только включены в процесс научно-предметной дифференциации, но в них наметились и интеграционные течения. Это позволило нам прийти к утверждению, что «комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является элитология» [1, с. 217–218].

В дальнейшем развитии элитологии важное место отводится когнитивному дискурсу – сборке целостной модели элитологии, включающей основные ее когнитивные уровни и аспекты: парадигмально-философский, доктринальный, прикладной, экспериенциальный. Проанализируем их вкратце.

Философско-парадигмальный уровень. Философия элитологии, определяя ее в первом приближении, это социально-когнитивная область, основывающаяся на принципах приоритетного направляющего воздействия на процессы изменений социального бытия со стороны «продвинутых», выделяющихся интеллектуальными и волевыми качествами социальных групп-элит (сильная формулировка). Либо – это принцип возможности влияния на усложняющееся социальное развитие, в перспективе все усиливающееся, элитных групп, опирающихся на осознанно развиваемые и культивируемые, усложняющиеся духовные практики (социальная демиургия при посредстве социальной цефализации).

Анализ данной социально-гуманитарной позиции, философской по звучанию, опирается на предпосылки элитистской или элитологической парадигмы, контуры которой уже просматриваются в ряде областей социально-гуманитарного знания (политологии [2, с. 258–266], социологии, истории, психологии).

Методологическая база элитологической парадигмы связана с известной в политической и социальной философии оппозицией элитарного и эгалитарного начал.

Дилемма «элитизм-эгалитаризм» является основополагающей для философии и обществознания. Их противостояние прослеживается на протяжении многих веков в истории философской мысли и общественно-го сознания. Эгалитаризм исходит из идеи равенства имущественного положения, социальных возможностей или результатов деятельности. Эгалитаризмом пронизано христианское вероучение. Светский эгалитаризм получил широкое распространение, начиная с буржуазных революций (Г. Бабеф, Ж.-Ж. Руссо и др.). Не случайно Ницше не видел большой разницы между идеологией французской революции и социализмом, с одной стороны, и христианством – с другой, которые он считал тождественными по духу и пронизанными «рабской моралью».

Эгалитаризм находит свое обоснование, выделяя антропологические, ценностно-гуманистические, этические, экологические и иные основания. В них включены такие параметры человеческого (индивидуального и социального) бытия, как альтруизм и забота о ближнем, идентификация с другими, солидарность и склонность к общежитию в составе крупных социальных организаций, неустойчивость конфликтующих крупных социальных организаций и др. Влияние разных форм эгалитаризма приводило к утверждению различных форм демократического устройства и системы демократических ценностей. Отступления от этих форм, аристократизация, в особенности в условиях высокой общественной динамики и массовой социальной стандартизации, приводили к «восстанию масс» и утверждению эгалитаризма в масштабе целых государств и сообществ государств.

Элитистские идеи и установки, вплоть до конца XIX в., развивались в рамках социально-философских концепций (Платон, Конфуций, Т. Карлейль, Ф. Ницше). В конце XIX – начале XX в. начинает формироваться элитология как научное направление (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, П. Сорокин, Н. Бердяев и др.). Элитизм основан на утверждении о естественном антропологическом, интеллектуальном, социальном неравенстве людей и их неизбежном расслоении на группы, среди которых доминирующая роль, несмотря на действие сдерживающих социальных механизмов, так или иначе отходит немногочисленной (2–5%) аристократической (или меритократической) группе, определяющей путем властного воздействия или иных форм воздействия, пути развития общества. Наличие руководящего или «правлящего класса» обусловлено прежде всего все возрастающей ролью управленческой деятельности в обществе и неравными способностями и склонностями (желанием участвовать) различных людей в этой сфере.

Любая эгалитаристская вспышка в обществе заканчивается элитарным переделом, а «восстание масс» сменяется «восстанием элит» или «восстанием меньшинств».

Постоянная конкуренция и взаимная дополнительность элитизма и эгалитаризма побуждают к более глубоким поискам оснований человеческой природы и изучению переходных состояний («мягкий элитизм», «ограниченная демократия»). Российская социально-историческая практика дает для этого обширный материал.

Следует подчеркнуть, что сам элитологический подход сформировался еще в конце XIX – начале XX в. в острой методологической полемике и оппозиции к марксистской методологии. Да и в первой половине XX в. он в социально-гуманитарном познании был недостаточно востребован. Эгалитарские и массово-демократические ценности оказывали мощное мировоззренческое воздействие как на формирование фундаментально-теоретических подходов (конфликтологический, бихейвиористский, системный и структурно-функциональный), так и приложений к системе социального управления.

Поворот во второй половине XX в. от «восстания масс» к «восстанию меньшинств» [3; 4] произвел методологическую ревизию и на парадигмальном уровне социально-гуманитарного знания, что вновь востребовало элитологический подход и заставило иначе взглянуть на движущие механизмы всего общества.

Как подчеркивает один из ведущих современных элитологов Д. Хигли: «Иными словами, можно ожидать, что в последующие годы элиты в демократиях усвоят более осознанную элитистскую систему взглядов. Для тех, кто придерживается возвышенного эгалитарного видения демократии, это неутешительная картина, но я думаю, что она вероятна» [5, с. 31].

В этом ключе конечно важно осознание таких компонентов парадигмы, как базовые принципы и регулятивы исследований, фундаментальные концептуальные положения, выводы и следствия, интерпретирующие все стороны политического процесса, а не только связанные непосредственно с предметом элитологического познания.

Прежде всего нужно указать на систему принципов элитологии (социальной и антропологической детерминации элит; цивилизационного своеобразия элит; циркуляции элит; олигархизации элит и др.), отметив, что одна из первых попыток их систематизации и обоснования была принята нами еще в середине 90-х гг. XX в. и в последующем развита [6, с. 17–21; 7, с. 42–46].

Доктринальный уровень элитологии требует отдельного обсуждения, поскольку и достаточно концептуально разнообразен, и теоретически многослоен. В цитированной выше работе Дж. Хигли обсуждаются концепты собственно теоретического слоя. Однако следует говорить, в сопряжении с этим, и о контексте. Прежде всего философском контексте, в котором содержатся важные, сопряженные с теоретической элитологией предпосылки и который в последнее время стал быстро развиваться, о чем речь уже шла выше.

Что касается конкретизации философско-элитологического контекста и его воплощения в конкретный теоретико-элитологический дискурс, то речь может идти о той или иной коллективной или авторской элитологической концепции. При обозрении тех из них, которые появились в нашей элитологической мысли и получили известность: концепция региональных элит Санкт-Петербургской и Ростовской научных элитологических школ, концепция этнократических элит М.Х. Фарукушина, концепция социально-управленческих типов взаимодействия элит А.Е. Чириковой и Н.И. Лапиной, культурно-исторических типов элит О.В. Гаман-Голутвиной или концепция ценностной обусловленности деятельности элит А.К. Магомедова, – практически везде просматривается не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода. Иными словами мы имеем дело и с конкретно-теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиций элитологии.

Что касается мировой элитологии и, прежде всего, политической элитологии, то здесь фигурируют две базовые элитологические доктрины: иерархическая (Р. Миллс) и полиархическая (Р. Даль).

В российской элитологии присутствует свой вариант, фиксирующий разнообразие моделей взаимодействия элит, который может быть обозначен как полицентрическая.

Кроме того, следует говорить и о том, что в западной политологии и политической социологии доминирует институциональная (неоинституциональная) доктрина в элитологических исследованиях, в то время как в российской элитологии, отталкиваясь от институтов, в итоге апеллируют к лидерам и лидерским командам, отчетливо сознавая слабость российских политических институтов и их достаточно формальную роль в элитогенезе.

Такого рода доктринальная амбивалентность порождает инструментальную и экспертную амбивалентность в процессе операционализации концептов. Часть российского элитологического научного и экспертного сообщества исходит из институциональной идентификации российских элит. Другая часть идентифицирует их в качестве неполноценных элит и антиэлит.

С нашей точки зрения, более доктринально-репрезентативной выглядит позиция о незавершенности процессов институционализации элитогенеза, обозначая российские элиты в качестве протоэлитных сообществ. Более адекватной моделью в этом случае будет все же полицентричная модель элит в многосоставном российском обществе.

В целом можно говорить о разработке и апробации элитологической исследовательской парадигмы (т.е. объяснительной элитологической схемы, востребующей все многообразие и динамику политических процессов). В нашей авторской версии основные ее положения могут быть изложены в следующем виде:

– в условиях российских трансформационных процессов место властного и управленческого воздействия, сфокусированного прежде в идеократической номенклатурной системе, заняло элитное сообщество, главным центром влияния в котором заняла современная административно-политическая элита;

– наблюдается элитократизация, обособление элит от общества и максимальная концентрация в их руках средств влияния и материальных ресурсов;

– сохраняются различные источники элитогенеза (бюрократический, этнический, милитократический, экономический, интеллектуально-информационный, криминальный);

– сохраняются попытки утверждения административно-политической элиты в качестве доминирующего центра;

– сохраняется преобладание либо паритет интересов глобальных центров влияния в организации деятельности отечественных элит;

– продолжается фактическая децентрализация социального управления на общегосударственном уровне; снижение возможностей самоорганизации и самоуправления – на местном уровне; преобладание ситуативных подходов в политическом управлении;

– продолжает иметь место теневи́зация общественных и политических отношений, формирование устойчивой публично-неформальной структуры социальных отношений;

– современные элиты по сравнению с 90-ми гг. менее гетерогенны по своим политико-идеологическим ориентациям, они более четко идентифицируют свои интересы в системе государственных целей и приоритетов; более подготовлены к современному публичному политическому дискурсу [8].

К прикладному аспекту следует отнести значительное число разработок социологического и психологического характера, осуществляющих замеры мотивации, уровня идентичности, сплоченности, ценностных ориентаций, проблемно-поведенческих лакун в элитном слое. Прежде всего это работы мониторингового и диагностического характера, исходящие из той или иной общепринятой или авторской элитологической концепции. Основываясь на таких прикладных разработках, предлагаются рекомендации и программы совершенствования управленческой деятельности руководящего административно-политического слоя, бизнес-слоя и других элитных групп. В нашей собственной исследовательской деятельности был реализован ряд социологических проектов в области элитологии [9; 10]. В частности, в 2007, 2009, 2013 гг. проведены опросы населения и разных категорий экспертов панельно. Региональные элиты в зеркале экспертного и общественного мнения в последние 5-6 лет выглядят достаточно стабильно. Тем не менее обозначим выявленные позиции и тенденции.

Выявленные тенденции проявлены не только в данном, но и в более ранних опросах населения и экспертов по аналогичной методике. Они обозначились и устойчивы по меньшей мере последние пять-шесть лет, что, скорее, свидетельствует об устойчивой диспозиции в системе «население» – «элиты», «власть» – «население».

Анализ содержательных оценочных позиций, проявившихся в последние годы, показывает заметное расхождение в оценках состава и деятельности элит по оси «сущее – должное». Сущее – это достаточно низкая оценка деловых и человеческих качеств элитного сообщества и очень низкая – гражданских. Обозначился острый запрос на элиту гражданственную, профессиональную, сформированную по заслугам и достижениям, чутко реагирующую на интересы и запросы общества. Наличие таких устойчивых «ножниц» в оценочном контексте свидетельствует о существенных предпосылках делегитимизации власти, которая может проявиться в острой форме.

Пути и механизмы коррекции состава и деятельности элит в целом известны, но блокируются рядом влиятельных групп внутри самого элитного сообщества. Надежды на разблокирование таких действий респон-

денты возлагают прежде всего на высших руководителей страны, которые смогут реформировать и систему управления, и кадровую политику.

Значительный интерес представляет сопоставление полученных данных с результатами, которые были получены нами почти 20 лет тому назад [11]. Несмотря на существенное сходство использованного инструментария, полностью корректного сопоставления здесь добиться сложно, но ряд тенденций общего плана высвечивается достаточно отчетливо.

Прежде всего, обращают на себя внимание изменения в источниках формирования состава элит и их управленческом опыте. За прошедшие 20 лет произошло обновление региональных элит. От рычагов управления постепенно ушла основная ее страта, получившая первичный управленческий опыт в партийно-советской системе. Она замещена людьми, получившими первичный опыт, работая уже в структурах современной администрации. По экспертным оценкам представителей самой региональной элиты, удельный вес последней страты вырос почти вдвое, достигнув более 35% от общего состава. Он почти уравнивает слой управленцев, получивших серьезную закалку на партийно-советской и комсомольской работе (в настоящее время их около 30%). В то же время слой, прошедший управленческую социализацию в прежней социально-политической системе, за прошедшее десятилетие сократился почти в два раза.

Показательно и то, что серьезно ослаблены составляющие технократического влияния на региональное управление. Если в 1993 г. более 27% опрошенных указывали на производственный опыт как на серьезную школу управления, то уже к 2009 г. таких осталось не более 16,5%. Это подтверждается и данными об образовании. Впервые за 15 лет численность представителей элиты с базовым гуманитарным образованием превысила число тех, кто имеет техническое и естественно-научное образование. Да и сведения о востребованности тех или иных блоков знаний свидетельствуют о том же. Если в 1993 г. около половины опрошенных указывали на недостаточную компетентность в сфере экономики и права, то в настоящее время таковых насчитывается менее 25%. В то же время выросла значимость таких блоков, как информационное обеспечение руководства и искусство делового общения.

Существенно изменилась за 15 лет оценка представителями региональной элиты основных «центров власти» в регионе. Если ранее первая тройка выглядела так («кому реально принадлежит власть в регионе?»): «коррупцированная часть аппарата управления – мафия, криминальные структуры – глава региональной администрации», то сейчас это: «глава администрации – богатые люди, коммерсанты, банкиры – коррупцированная часть аппарата управления». Причем оценка влияния такого «центра власти», как глава администрации, возросла за десятилетие в 2,5–3 раза (превысив 50%). В то же время оценка влияния регионального за-

конодательного органа мало изменилась, сохранившись на уровне 9–10%. При этом в последние 3–4 года еще более ослабла. Существенно (в 4–5 раз) снизилась оценка влияния прежней партноменклатуры. Это выразилось и в оценке источников формирования современной региональной элиты, где бывшей партноменклатуре уделяют свое внимание менее четверти опрошенных. Произошли и значительные подвижки в представлениях о ценностно-идеологической направленности современного политического руководителя.

Таким образом, за прошедшие 20 лет региональные элиты значительно обновились и в структурном, и в деятельностно-стилевом, и в ценностном измерениях.

В то же время произошла апробация и оценка силовой составляющей политических элит в роли политических лидеров и руководителей, которая дала противоречивые результаты, но, скорее всего, носила тактический характер.

Вместе с тем региональной бюрократии так и не удалось создать устойчивые механизмы рекрутирования административно-политической элиты. Ими не стали ни новая партийная система, ни сама система административной карьеры, ни силовые структуры.

Сопоставляя представления экспертов и населения, следует отметить, что ранжирование уровней знания о различных элитах у экспертов в целом идентично представлениям населения; это же можно сказать и об их оценках «центров власти и влияния» на региональном уровне. Единое мнение населения и экспертов выражается формулой: власть принадлежит «команде регионального главы и прикормленному бизнес-элитой чиновничеству». Сама бизнес-элита региона занимает третье место и давно уже поняла как степень своего реального влияния на власть, так и то, что выше ей не подняться. Что касается демократического компонента властных структур, которые избираются населением (региональные законодательные собрания, региональные отделения партий), то и население, и эксперты отводят им еще более скромные позиции.

Несколько расходятся позиции населения и экспертов в оценках ближайшей перспективы во взаимодействии элит между собой и с населением. Если у населения надежда на то, что к его запросам и пожеланиям правящие элиты будут внимательно прислушиваться, еще не умерла (на это надеется около 40% опрошенных – и это первая ранговая позиция), то для экспертов более существенными проявлениями выступают «лояльность режиму» (20%) и «профессионализм» (18%). При этом в опросах 2013 г. эти позиции значительно изменились: «лояльность» – пошла вверх, а профессионализм – вниз. Что касается ориентации на интересы граждан, то оценки экспертов очень близки к оценкам запросов на профессионализм.

Впрочем, внутри первой ранговой тройки и у населения, и у экспертов различия незначительны.

Это подтверждается и в ответах на вопрос: «Каким основным требованиям должна удовлетворять элита?». Здесь и население, и эксперты единодушны и проранжированные оценки первого ряда выражаются тетрадой: «Профессионализм – образованность – высокая нравственность – патриотизм». Правда, население отводит профессионализму гораздо больший удельный вес (около двух третей опрошенных), нежели эксперты (22%). Но и та, и другая категории отводят данному качеству первое место.

Что же нужно сделать для улучшения качественного состава элит? Респонденты указывают на механизмы кадровой политики и культурно-образовательные факторы: а) конкурсный отбор на основе профессионализма и компетентности (55%); б) повышение образовательного уровня (47%); в) продуманная кадровая политика под контролем центра и администрации федерального округа (46%). Эксперты фактически разделяют такой подход.

Однако граждане ясно понимают, что желаемые изменения произойдут не сразу.

Отвечая на вопрос «Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в высших эшелонах власти?», они демонстрируют вполне реалистический подход: а) умение защищать интересы населения; б) лояльность политическому режиму; в) умение поддерживать неформальные отношения с центром.

Наряду с этим направлением в области прикладных элитологических исследований и разработок, в которых мы имеем неплохие заделы, предметом изучения также выступают: административное реформирование; работа с резервом административно-управленческих кадров и элитная кадровая политика, а также элитная образовательная политика.

Необходимость в разработке последней отчетливо проявилась в последние годы, когда за более чем 20 лет постсоветских преобразований доставшиеся от прежней системы ресурсы оказались практически исчерпаны, а новые, основанные на человеческом капитале, не заработаны.

Более того, касательно элитной эволюции новое постсоветское общество оказалось малоприспособленным для перехода к меритократическим подходам в формировании элит. И, как справедливо отмечает известный отечественный социолог О.И. Шкаратан: «Можно сказать, что сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет вести общество за собой» [12, с. 434].

Останавливаясь на вопросах элитного образования применительно к административно-политическим элитам как недостаточно изученной и проработанной для современной России проблеме, обратим внимание на

две базовые тенденции: ориентация на более ранний элитный отбор и организацию элитной социализации и ориентация на непрерывное элитное образовательно-консультативное сопровождение управленческой деятельности на всем ее протяжении.

Решение указанных проблем позволило бы уже в краткосрочной перспективе подготовить обоснованные предложения по глубокому реформированию образовательной системы, работающей с элитным управленческим слоем, и повысить качество государственной управленческой деятельности.

Применительно к исследованию элит очень важными, как говорилось уже выше, выступают методологические условия организации исследовательского процесса. Прежде всего следует подчеркнуть, что философские и парадигмальные предпосылки в элитологии имеют здесь, как в отрасли гуманитарного знания, существенно большее значение, нежели в привычных для естествознания объектоцентрических методологических подходах и схемах [13]. Здесь на выстраивание элитологического знания оказывают воздействие субъекто-центрические концепты («смысл», «интерпретация», «понимание», «контекст», «дискурс» и др.). Это тем более понятно, что сама элитология выстраивается по-преимуществу в русле не объективно-нормативного или объективированного знания о социально-политических и экономических процессах, а субъективированных, проектно-телеологических, диссизинальных представлений об истории, структуре и современных изменениях социальной реальности. Подчеркивая влияние герменевтических подходов в политике, известный исследователь проф. И.А. Василенко вполне справедливо подчеркивает: «...реальное бытие политических фактов не физическое, а символическое, а следовательно, *интерпретируемое*. Категория значения здесь не сводится к категории бытия. Поэтому в политике интерпретация символов предшествует собиранию фактов, и без такой интерпретации приблизиться к картине политического мира нельзя. Факты политической истории непрерывно включены в герменевтическое поле» [14, с. 114].

Иными словами, выдвигая те или иные построения в качестве нового знания, достоверного знания, мы обосновываем их, не руководствуясь привычными объектоцентристскими методологическими условиями верифицируемости, фальсифицируемости, вписывания в схему корреспондирования знания и объективной реальности, а обращаясь к схеме когеренции нового знания устоявшейся парадигмальной модели, дискурсу, что и обозначается понятием «релевантность». Это тем более актуально при весьма различных парадигмальных подходах в элитологии: институциональных и поведенческих, ценностных или ориентированных на парадигму человеческого капитала [15; 16; 17]. Релевантным выступает зна-

ние, вписанное в разные парадигмальные системы. Однако сами эти системы должны быть достаточно структурированными изнутри.

Таким образом, не только от качества и объема эмпирической базы зависит продуктивное продвижение элитологических исследований, но и от ряда других составляющих и уровня их взаимосвязей, взаимодействий.

Важным, но недостаточно разработанным в элитологии выступает **экспериментальный аспект**. Он обозначен в современной эпистемологии и философии науки в связи с изучением влияния рациональных, внерациональных и контекстуальных факторов, неотделимых от деятельности субъекта: «Экспериментальный подход учитывает опыт взаимодействия субъекта с объектом, особенности всех уровней познания – эмпирического, теоретического и обыденного... Таким образом, наука получает новый аспект видения субъекта со стороны анализа процессов восприятия и концептуализации им мира и реализации этого опыта в языке» [18, с. 57–58].

Применительно к элитологическим исследованиям данный аспект был обозначен нами еще в первых изданиях учебных курсов и научных разработок, посвященных политической элитологии [19; 20], в качестве принципа методологической референтности. Обсуждая сложности элитологических исследований, в особенности российских, где изучаемый объект погружен в существенной мере в паутину неформальных и теневых связей, мы еще в конце 90-х гг. отметили, что все эти сложности подхода к объекту компенсируются тем жизненным опытом, который имеет исследователь, погруженный в политико-административную среду: многолетнее «включенное наблюдение» за деятельностью элиты; биографический метод, применяемый к субъектам региональной элиты, которых исследователь знает и чувствует в течение многих лет; герменевтические и семантические расшифровки текстов и действий политических руководителей Центра и различных регионов, выявляющие подлинные мотивы, а не прикрываемые социальной мимикрией; понимание степени серьезности намерений лидеров и умение отличать их от политической игры, рассчитанной на восприятие дальнего окружения и масс населения, – без этого трудно сейчас интерпретировать эмпирические данные, полученные в анкетных опросах или контент-анализе.

Наиболее референтными для элитологов в этом плане источниками являются: информированные и давно работающие с политиками журналисты; эксперты – представители элиты, склонные к рефлексии и аналитической деятельности; сами элитологи, последовательно (а не эпизодически) отслеживающие политические и административные элиты [21, с. 217–218; 22].

При построении источниковой и методической базы эмпирических исследований в современной элитологии место репрезентативности занимают методологические требования референтности и релевантности [23].

Несколько в другом ракурсе рассмотрел проблему экспериенциальности в элитологии Дж. Хигли. Он обратил внимание на значимость опыта исследователя в процессе теоретических обобщений эмпирических данных: «Очередные исследования общественного мнения, эксперименты в области поведения, измерения, таблицы данных, математические уравнения и т.п. позволяют нам приблизиться к пониманию того, что является возможным в политике, не больше, чем такой эмпиризм способствовал первоначальному развитию биологии и физики. Прогресс в развитии современной науки, так же как и в античной философии, зависит от творческих и рациональных интеллектуальных усилий ее наиболее выдающихся представителей» [5, с. 31].

Дальнейшая разработка обозначенных нами областей, касающихся развития элитологического знания и познания как сложной многоуровневой и разноплановой системы, позволяет сделать новые шаги к формированию конструктивной и авторитетной отечественной элитологии.

Примечания

1. *Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А.* Основы политической элитологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

2. *Старостин А.М.* Элитологическая парадигма в политической науке // *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.

3. *Московичи С.* Век толп. М., 1998.

4. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.

5. *Хигли Дж.* Элиты, внеэлитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении. М.: РОССПЭН, 2011.

6. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д, 1998.

7. *Старостин А.М.* Эффективность деятельности государственной власти и управления (элитологический аспект). Ростов н/Д, 2005.

Annotation

1. *Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Kislitysn S.A.* Foundations of Political elitologii. M.: Book House «Librokom», 2013 .

2. *Starostin A.M.* Elitologicheskaya paradigm in political science // *Starostin A.M.* Philosophical innovation: the concept and the main areas of manifestations. Rostov-on-Don, 2009.

3. *Moscovici S.* Century crowds. M., 1998.

4. *Lash K.* Rise elites and the betrayal of democracy. M., 2002.

5. *Higley J.* Elites vneelitnye groups and policy limits: a theoretical perspective // *Elites and society in comparative terms.* M., 2011.

6. *Ponedelkov A.V., Starostin A.M.* Introduction to Political elitologii. Rostov-on-Don, 1998.

7. *Starostin A.M.* Effectiveness of state power and administration (elitologicheskyy aspect). Rostov-on-Don, 2005.

8. Элиты и будущее России: взгляд из регионов (Вып. 1). Ростов н/Д, 2007.

9. *Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. и др.* Государственное и муниципальное управление социальными и политическими процессами в регионе: общественное мнение и экспертные оценки. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010.

10. *Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. и др.* Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ). Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.

11. Административно-политическая элита региона (социологический анализ). Ростов н/Д, 1995.

12. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства: теория и реальность. М.: Изд-во ВШЭ, 2012.

13. *Старостин А.М.* Философия элитологии: статус научного направления и базовые проблемы // Философия элитологии. Сб. науч. трудов. Ростов н/Д: Дониздат, 2013.

14. *Василенко И.А.* Сравнительная политология. М.: Изд-во Юрайт, 2009.

15. Властные структуры и группы доминирования / под ред. А.В. Дуки. СПб: Интерсоцис, 2012.

16. Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011.

17. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012.

18. *Масалова С.И.* Когнитивный и экспериенциальный подходы в современной парадигме философии науки // Философия и наука: проблемы развития и преподавания. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009.

8. Elite and the future of Russia: a view of the regions (First Issue). Rostov-on-Don, 2007.

9. *Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Lysenko V.D. and other.* State and municipal management of social and political processes in the region: public opinion and expertise. Rostov-on-Don, 2010 .

10. *Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Lysenko V.D. and other.* Regional administrative and political elites in Russia twenty years of post-Soviet evolution (sociological analysis). Rostov-on-Don, 2012 .

11. Administrative and political elite of the region (sociological analysis). Rostov-on-Don, 1995 .

12. *Shkaratan O.I.* Social inequality: theory and reality. M., 2012.

13. *Starostin A.M.* Elitologii philosophy: the status of scientific directions and basic problems // Philosophy elitologii. Sat scientific. Works. Rostov-on-Don, 2013.

14. *Vasilenko I.A.* Comparative Politics. M., 2009.

15. Power structures and group dominance / Ed. A.V. Duque. St. Petersburg, 2012.

16. Elites and society in comparative measurement / Ed. O.V. Gaman-Golutvina. Moscow, 2011.

17. Human capital of the Russian political elite. Political and psychological analysis / ed. E.B. Shestopal. M., 2012.

18. *Masalova S.I.* Cognitive and eksperiensialny approaches in contemporary philosophy of science paradigm // Philosophy and Science: Development and teaching. Rostov-on-Don, 2009.

19. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1998.

20. *Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М.* Основы политической элитологии. М.: ПРИОР, 1999.

21. *Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А.* Основы политической элитологии. Изд. второе. М.: URSS, 2013.

22. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Российские элитологи об элитах. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2008.

23. *Старостин А.М., Швец Л.Г.* Факторы релевантности в современных элитологических исследованиях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 1.

19. *Ponedelkov A.V., Starostin A.M.* Introduction to Political elitologii. Rostov-on-Don, 1998.

20. *Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M.* Foundations of Political elitologii. M., 1999.

21. *Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Kislitysn S.A.* Foundations of Political elitologii. Ed. second. M., 2013.

22. *Ponedelkov A.V. Starostin A.M.* Russian elitologii of elites. Rostov-on-Don, 2008.

23. *Starostin A.M., Shvets L.G.* Relevance factors in modern elitologicheskikh research // State and municipal management. Memoirs of SKAGS. 2012. № 1.